

Опыт прощения. К проблеме.
Томильцева Дарья Алексеевна.
магистрант

Уральский государственный университет им. М. Горького, Екатеринбург, Россия

E-mail: tomiltceva_d@mail.ru

При всей многозначности и спорности слова "опыт" в его философском осмыслении, мы всё же склонны рассматривать его в онтологических модусах, позволяющих не столько сделать попытку "схватить" опыт в его целостном значении (попытка рассмотрения понятия "в общем", "в целом", "как таковое" – обманчиво-близкий горизонт, захватывающий и недостижимый, даже в самом, казалось бы, точном толковании всегда останется, сохранится оконце, через которое будет виднеться ускользнувшее "общее", заставляющее вновь кидаться в погоню), но и рассмотреть модусы – как грани целого в отдельности (что также таит в себе опасность дедуктивно-индуктивной игры, грань станет целым, грань увлечёт, захватит, отвернёт от искомого), - в задачи нашей работы не входит подробное рассмотрение и анализ ни опыта как такового, ни отдельных его модусов – они будут служить нам лишь вспомогательными "средствами", прочными основами для изучения совсем другой проблемы – проблемы прощения. Но основания всё же следует показать.

Итак, опыт в словосочетании "опыт прощения" отсылает нас к двум своим значениям, или же, говоря другим языком, к двум своим онтологическим модусам, а именно к тем, которые, например, в английском языке могут быть охарактеризованы как "experienced", и "experiencing" ("опытный" и "испытывать, узнавать по опыту", в буквальном переводе, но "experienced" не только означает "опытный", но и "то, что испытано"), более, на наш взгляд, точно передающие затронутую нами онтологическую модальность, поскольку "снимают" сохраняющийся в аналогах русского языка гносеологические аспекты. Речь идёт об онтологических модусах опыта, заключённых в глаголе "жить", а именно, о "про-живании" и "пере-живании". Для краткости, будем говорить об опыте в модусе "про-" и опыте в модусе "пере-".

Онтологический модус «про-живание» выражает повседневную жизнь людей, фиксированное, цикличное и предзаданное (проектируемое) бытие. Его можно назвать осознанным, поскольку в нём исчезает тело. Опосредованное сознанием, оно становится лишь его инструментом, не несущим в себе никакой активности, выступает как часть мира, в котором проживает его «хозяин».

Однако сам опыт в модусе «про-живания» активен, поскольку он не только обобщает и синтезирует знания в своих пределах, но и конструирует новые границы проживания, т.е. возможности бытия. Вместе с тем, проживание есть и прожитое – «накопленный» опыт, выступающий слагаемым истории, того, что именуется «прошлым». Следовательно, и его выражение в мир скорее реконструкция прежнего опыта, его воспроизведение. Это "experienced" в обоих своих значениях, не абстрактное чувствование, но здесь уместно говорить о материально-зафиксированных его результатах, о следах, словах, вещах, о том, что может "напомнить", о творческой компиляции. "Experienced" отнюдь не свидетельствует о том, что данный опыт должен быть "непосредственно мой", прожитый мной, написанный мной – я могу его присвоить, приспособить к себе, пропустить через себя оставленное другим. Но, поскольку опыт принципиально неповторим, (он может быть воспроизведён, но не повторён), чужой "след" переживается мной.

«Пере-живание» как переход из одного проживания в другое, отражает непосредственное «сейчас», действие, динамика - "experiencing". Переживание стремится выйти за установленные пределы, отрицает предзаданность, апеллирует к бесконечному, неизведанному, рискованному. «Пере-живание» в отличие от «про-живания» выступает как конструирование нового, без устремления к результату. «Пере-живание» обуславливает «про-живание».

Но, чтобы не отдаляться совершенно от "целого" и тем самым не впасть в досадную ошибку "расчленения" опыта на совершенно автономные модусы, или придание им чёткого

временного характера (один за другим "про-" за "пре-"), что в конечном счёте повлекло бы за собой классификацию "опытов прощения", и вообще разделение прощения на обособленные друг от друга виды (аналогично биологическим), извечное стремление дать "общее определение" понятие подталкивает нас обобщить вышеизложенное в одном слове "опыт", и можно было бы раскрыть третий онтологический модус, описывающий опыт "как таковой", однако же, пока для нас это не важно, не так важно, поскольку онтологические модусы есть лишь "вспомогательный материал" для нашего исследования. Что мы должны принять во внимание (и в этом заключается некоторая попытка обобщения), в развёрнутой модальности жизни, в проживании и переживании опыт перестаёт быть тем, в традиционном смысле (более грубо – той практикой), что представляется к сознанию или существованию – он само это представление, само сознание, он есть жизнь, не исключая всей апоритичности её бесконечно конечного характера. Но как раз таки апоритичный характер опыта и ставит перед нами вопрос – о возможности опыта прощения.

С точки зрения зафиксированного модуса "про-" проблема как таковая может и не возникнуть, ведь, говоря о чём-то уже свершившимся, о совершённом другими, опыт прощения может быть рассмотрен как то, что уже простили, прощали, и говорили о прощении. Разворачивается история прощения, и даже история теории прощения, которая, при рассмотрении её с точки зрения морали (с позиции, предполагающей вопросы, что можно прощать и за что, кого, когда и при каких условиях) оборачивается политической экономией прощения и тем самым переходит в дискурсивное пространство политического и власти.

Но в динамике прощения, в его действительности, принадлежности настоящему, как раз и заключается его невозможность быть опытом – в своей представленности прошлому, ориентированности на прошлое (ведь прощение, если мы обратимся к словарю В. Даля, есть снятие (греха), освобождение от него, кроме того, содеянное всегда предшествует прощению), оно с одной стороны полностью совпадает с "experiencing". Однако, и это парадоксально, прощение представляет собой абсолютную длительность опыта "наоборот". Если опыт привязан к "быть" конкретного человека, сохранён в "быть" конкретной вещи за счёт опосредования "experiencing" в "experienced", и вместе с тем "experiencing" являет собой полную открытость новому, трансценденцию, прощение, освобождая от последствий прегрешения, сохраняет свою "настоящность", в своём воздействии на прошлое. "Лишь через это длящееся взаимное избавление и снятие обязательств люди, приходя в мир каждый со своим даром свободы, могут и в мире оставаться свободны и лишь в той мере, в какой они имеют волю сменить образ мысли и начать снова, они оказываются способны в меру сил справиться с такой ... чудовищно опасной способностью как способность к свободе и к новому началу". [1,318]

Таким образом, прощение "как таковое" (если "как таковое" может быть применимо к прощению), оказывается обеспечивающим возможность опыта, проблема опыта прощения раскрывается, тем самым, в его опытной внеопытности, возможность "быть дальше" в обращённости к другому (к другим), индивидуальной социальности осуществимости.

Литература

1. Арндт Х., *Vita activa или о деятельной жизни*. СПб., 2000.
2. Лехциер В.Л., *Введение в феноменологию художественного опыта*. Самара, 2000.
3. Керимов Т.Х., *Неразрешимости*. М., 2007.
4. Oakeshott M., *Experience and its modes*. Cambridge, 1978.